

Публицистика Фета

А. А. ФЕТ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ г. БЕЗОБРАЗОВА «Наши охранители и наши прогрессисты»

Публикация Л. И. Черемисиновой

К числу не введенных в научный оборот публицистических творений Фета следует отнести статью, напечатанную в газете «Современная летопись» (воскресные прибавления к «Московским ведомостям»), выпускавшейся М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым, «По поводу статьи г. Безобразова „Наши охранители и наши прогрессисты“». ¹ Эта статья не была внесена ни в один библиографический указатель произведений Фета. Фрагмент рукописи хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. ² Он не датирован, написан рукою неустановленного лица с вставками и исправлениями рукой Фета. На обороте листа содержатся заключения Фета как мирового судьи.

Эта публикация, появившаяся в «Современной летописи» в январе 1870 года, с указанием имени автора: «А. Фет», — была откликом на статью В. П. Безобразова «Наши охранители и наши публицисты» ³ и связана с юридической практикой Фета.

Известно, что в ноябре 1867 года Фет вступил в должность мирового судьи 3-го участка Мценского уезда. Так начался новый этап в его жизни, открывший ему неведомые ранее грани русской действительности, значительно обогативший его жизненный опыт, расширивший знания о народе. Судейская деятель-

¹ Современная летопись. 1870. № 2. С. 3–5.

² РГБ. Ф. 315. Оп. 2. К. 2. № 16.

³ РВ. 1869. № 10.

ность, по собственному признанию поэта, имела для него «воспитательное» значение.⁴ Десять с половиной лет судебной практики «спускали» его с «идеальных высот <...> упований до самого низменного и безотрадного уровня действительности».⁵

По роду службы ему приходилось вести подробные записи дел. В НИОР РГБ хранится 57 папок архивных материалов, которые состоят из судебных дел, гражданских и уголовных, разбиравшихся Фетом, а также из дел Мирового Съезда, разбиравшихся по апелляциям обвиняемых, недовольных приговором мирового судьи.⁶ Опись дел поражает количеством и разнообразием тематики.

Среди разбиравшихся Фетом дел были: о притеснении подрядчиком, о самовольном добывании камня, о самовольном заборе разного рода продуктов, о нанесении оскорбления, о невыполнении условий относительно поставки конных подвод, об оскорблении священника, о краже лошадей, леса, о срубке яблонь, лип, о разорвании собаками барана и трех свиней, о неотдаче шубы отставному унтер-офицеру, об изнасиловании и снятии платья, о нанесении побоев, о самовольстве, о взысканиях, о вводе во владение, о потраве гусями, скотом, лошадьми, свиньями и т. д.

Большое количество судебных разбирательств было связано с нарушением договорных отношений между рабочими и нанимателями (рядчиками), в том числе на железной дороге. Ряд из них относится к 1869–1870 годам — времени публикации статей Безобразова и Фета. Например: «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой дороги крестьянина Юхновского уезда, деревни Подборье Ивана Андреева Сучкова на самовольный от него уход 22 человек рабочих» (Папка 25. Дело 27); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой дороги Федора Крылова Таранова о самовольном от него уходе с работ 14 человек Калужской губернии и о невыходе на работу 16 человек вопреки условию. 20 июня — 14 июля 1869 г.» (Папка 25. Дело 28); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой железной дороги крестьянина Болховского уезда сельца Елагина Алексея Петрова Хромякина о неявке к нему на работу по условию 20 человек крестьянин Болховского уезда. 21 июня — 22 июня 1869 г.» (Папка 25. Дело 32); «О нерасчете рядчиком Орловско-Елецкой железной дороги Алексеем Храмекиным на рядового Ивана Зимина. 25 июня 1869 г.» (Папка 25. Дело 34); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой железной дороги крестьянина Юхновского уезда деревни Подборье Ивана Андреевича Сучкова о взыскании с 24 рабочих, не явившихся к нему вопреки условия на работу, взявшие задатки 331 руб. 80 копеек. 23 июня 1869 — 16 января 1870 г.» (Папка 25. Дело 39); «По жалобе рядчика Орловско-Елецкой железной дороги Мишина на самовольный, до окончания срока найма, от него уход 19 человек рабочих Орловской губернии. 18 июля 1869 — 28 января 1870 г.» (Папка 26. Дело 2); «По жалобе рабочих Орловско-Елецкой железной

⁴ МВ. Ч. 2. С. 125.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ См.: РГБ. Ф. 315. Оп. 1.

дороги крестьянина Калужской губернии Мещевского уезда села Чемоданова Игната Сидорова, Данилы Кузьмина и Никиты Иванова, дер<евни> Рыжковой Григория Филиппова, мещевского мещанина Михаила Борисова и бессрочно отпускного Власа Тихонова и Константина Петрова на невыдачу рабочих книжек и Петровского задатку рядчиком Виктором Михайловым. 28 июля — 3 августа 1869 г.» (Папка 26. Дело 11) и т. д.

Огромный опыт ведения дел подобного рода подвигнул Фета откликнуться на статью В. П. Безобразова, со знанием дела выразить и аргументировать свою позицию, показав преимущество «новых порядков», важность соблюдения законности в трудных условиях становления капиталистических отношений.

Статья А. А. Фета воспроизводится по тексту первой публикации: Современная летопись. 1870. № 2. С. 3–5, в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными нормами русского языка.

Нельзя достаточно благодарить г. Безобразова за то, что в означенной статье он прямо указал на один из крупных эпизодов нашего железно дорожного дела, по отношению к рабочим. Для не знакомых с фактом, который приведен г. Безобразовым, перескажем его вкратце. Рядчики, нанявшие крестьян по условиям, заключенным в волостях и обязывающим крестьян явиться на место работы, вопреки этим же условиям не выдавали в течение трех месяцев рабочих книжек и не проставляли цен найма. Рабочие, проработав 3 месяца, явились в числе 150 человек к мировому судье, объявляя, что они продолжать работу не хотят. Судья, определив вернуть рабочих немедленно на работу, решил дело не в их пользу. Для исполнения судебного постановления потребовалась вооруженная сила, в подкрепление полицейскому надзору. По апелляции рабочих мировой съезд передал дело на рассмотрение другого судьи, старавшегося всеми силами уладить дело миром. Но рядчики, подписав мировые сделки, не приводили их в исполнение и тем оттягивали и запутывали дело, кончившееся тем не менее отпуском рабочих по домам. Приводя означенный факт, г. Безобразов указывает на высокий интерес, заключающийся в нем для нашей экономической жизни, так как он в разных формах беспрестанно повторяется.

Не зная мелких подробностей дела, приводимого г. Безобразовым, не беремся судить о нем собственно и коснемся его как явления общего, во-первых, потому что как отдельный случай оно было бы малоинтересно, а во-вторых, потому что нам не известн<о>, каковы в данной местности старые порядки. Что касается до новых, то есть мировых

учреждений, то мы с радостью видим, что они действовали, как и следовало ожидать, вполне законно. К судье приходит толпа заявить о нежелании продолжать работу. Судья объясняет рабочим, что по закону они не должны оставлять работ, а заявлять свои жалобы чрез двух или трех выборных поверенных. Что касается законности волостных или иных условий между рядчиками и рабочими, то разбирательство этого вопроса не может представлять для судьи никаких затруднений. Всякий договор о неустойке настолько же законен, насколько незаконно предоставление какой-либо из сторон права самосуда. Ясно, что и самое взимание неустойки, в случае несогласия сторон, должно быть разрешаемо судом. Если ввиду технических затруднений необходимо удостовериться в способности рабочего для определения ему соответственной платы, то ничто не мешает рядчику выдать рабочим задатки под обязательство явиться к известному времени на работу для испытания и окончательного условия в цене. Но вот рабочий, согласно условию, явился и на хозяйских харчах проработал три дня. Не очевидно ли, что таким действием он вполне удовлетворит волостному условию? Затем он обращается к рядчику с просьбой о выдаче ему нового контракта на все лето, в виде рабочей книжки. Тут могут быть два случая, неблагоприятные для наемщика. Рядчик или вовсе не дает книжки, или не предоставляет в ней цены. В том и другом случае рабочие, не соблазняясь никакими пустыми обещаниями, немедленно должны заявить суду об исполнении ими первого условия и несогласии работать без условия. Очевидно, что судья прежде всего спросит, на чей счет отнесены путевые издержки? и если в волостном условии ничего об этом не сказано, то, само собою разумеется, эти издержки должны быть отнесены на счет нанимателя, а крестьяне обязаны возвратить причитающуюся с них часть задатков. О принуждении же их к работе не может быть и речи, несмотря ни на какие старые порядки. Если исполнение волостного условия требует в данном случае судебного разбирательства, то никакие порядки не могут обвинить судью в непризнании несуществующих условий. Судья может прямо сказать: если завтра рядчик не примет от вас инструмента и не выдаст вам паспортов, то выдайте его, по указанию моему, полицейскому чиновнику, от которого, по сдаче инструмента, получите краткосрочные виды для прохода в места жительства. Тут и конец всякой беседе. Но дело может усложниться (как это, очевидно, и было в случае, приводимом г. Безобразовым), когда рабочие, независимо от просьбы о прекращении несуществующего договора, просят вознаграждения за работу по неизвестно какой цене. Тут приходится обмерять выработку, проверять табели и самому судье на-

значать приблизительную цену каждому, смотря по тому, в какой руке он работал, полагая первую, например, в 90/100, вторую в 60/100 и третью в 45/100 кубика. Правда, на практике это сопряжено с большими хлопотами и трудом, но другого законного пути нет, и когда судья твердо на него ступит, то неподатливые рядчики большей частью сдадутся. Успех значительно облегчается тем обстоятельством, что по закону даже неокончательные решения по делам расчетов рабочих подлежат предварительному исполнению. Закон не допускает, чтобы рабочий, доживший до срока найма или подлежащий увольнению, по капризу нанимателя оставался в неопределенном положении. На этот случай узаконена пеня и двойная поденная плата в пользу рабочего. Нам не раз приходилось видеть волшебное действие исполнительных листов с при суждением двойной поденной платы. Здесь кстати заметим, что наши *временные правила* о личном найме намечены (как объясняет само заглавие) с той строгою справедливостью и беспристрастием, каким отличается все законоположение 20-го ноября. Если можно желать в них какого-либо изменения, то разве в смысле некоторых дополнений и разъяснений.

Возвращаясь к разряду фактов, указанному г. Безобразовым, не остановимся на оказавшемся в данном случае исходе дела, а доведем его до осени, то есть до окончательных расчетов.

Г-н Безобразов достаточно ясно указывает на борьбу новых порядков со старыми — законности с произволом. Закон ограждает новые суды от вторжения старых порядков, но дело первых так ново, что нельзя слишком сетовать на судью, если ему иногда вспомнится стих:

Будешь судьей — стой за *правду* — не *трусь*,

хотя при новых порядках гораздо естественнее трусить за *неправду*.

Представим себе судью, не желающего только спихивать с рук затруднительные дела, а проникнутого чувством нравственного долга. Может ли он успокоиться на мысли: решение объявлено, и не моя вина, что, оставаясь мертвою буквой, оно не восстанавливает ничьего законного права? Предположим, что в данном случае решение будет таково: обязать рядчика немедленно уплатить рабочим по 5 рублей, а рабочих не оставлять работы.

Не должны ли старые порядки, в которых сосредоточивается исполнительная власть, немедленно приступить к продаже имущества рядчика, то есть баракон, инструмента, досок и пр., и наобли, чтобы рабочие не уходили? В случае, рассказанном г. Безобразовым, мы видим, что администрация немедленно приступила к исполнению судебного реше

ния, не вдаваясь в не предоставленный ей законом суд над судом, стоящим под особым контролем новых порядков. Только при таком строгом соблюдении законных отношений между старыми и новыми порядками возможно поддержать уважение к закону. Но везде ли в подобной мере сохраняются эти отношения? Вот вопрос, а где этого нет, там рядчики будут упорствовать в незаконном произволе, рабочие незаконно разбегутся, и обе стороны, подкрепляемые хором общественного мнения, будут бранить новые порядки и судью, который, добросовестно исполнив долг, в сущности увеличил только смуту и окончательно уронил авторитет суда.

Здесь можно вспомнить приводимый г. Безобразовым аргумент незнания рабочими законов, с которыми согласиться можно только наполовину. Действительно, не бывавшие на судебном разбирательстве рядчики и рабочие не знали законных формальностей договоров и точных последствий их нарушений, но:

Ein Mensch in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.^a

ни один из них, в этом можно поручиться, не считает хорошим делом обмануть и ограбить того, с кем он заключил добровольное условие.

Приведем следующий случай. Артель в 300 человек, исправно работавшая до хлебной уборки, подстрекаемая несколькими широкими натурами, отказывается продолжать работу на том основании, что зажила задатки. Пока рядчик жаловался, а судья прибыл на место разбирательства, рядчик насчитал, согласно рабочим книжкам, по 2 рубля прогульных на человека. По предложению судьи, рабочие выбирают из своей среды трех уполномоченных поверенных. После долгих разъяснений сторонам законного хода дела, судья слышит указание выборных на штраф в 600 руб. как на последнее препятствие к соглашению. После новых увещаний, рядчик восклицает: «Извините, г. судья: *для вас* я согласен снять законный штраф». — «Извольте, г. судья: *для вас* мы сейчас идем на работу». Следуют кресты перед иконой, рукобития и обьятия. «Давайте инструменты! Сейчас идем на работу!». — Позвольте, замечает судья, закончить дело, записать вашу мировую и утвердить ее судебным определением. — «Точно! точно! на все закон!» Мировая, на которую возражений не допускается, подписана сторонами и утверж-

^a Человек в своем стремлении темном / Найти сумеет настоящий путь (нем.; пер. А. Фета). Неполная цитата из «Пролога на небе» «Фауста» Гёте. У Гёте: «Ein guter Mensch...» («...добрый человек...»). — *Ред.*

дена, рабочие идут на работу, а судья к тарантасу, думая: «Слава Тебе Господи! Хоть недаром пять часов драл горло». Но на проходе чрез один из кирпичных сараев ему заступают дорогу 15 человек той же артели, объявляя, что хотя поверенные и заключили мировую, но они на работу не пойдут. — Почему? — «Не согласны». Новые продолжительные объяснения незаконности такого действия ни к чему не ведут. «Теперь нас куда угодно, а мы не согласны». Ясно, что пред судьей именно те широкие натуры, которые произвели кутерьму. Отпустить их на родину судья не имеет никакого права. Оставить их без ответа значит показать бессилие закона и в некотором смысле дать повод всем рабочим разбежаться. Судья предлагает им подписать протокол об их сопротивлении судебному решению. Они подписывают. Им объявляют, что такое действие подлежит разбирательству окружного суда, а до завтра, то есть до принятия прокурорским надзором этого дела в свое ведение, они будут арестованы. В тот же вечер одна из трех партий, рассаженных по ближайшим волостям под арест по пяти человек в каждой, заявляет желание идти на работу. Остаются 10 несогласных. В тот же вечер прокурорский надзор объясняет, что предусмотренное законом сопротивление законной власти не относится к настоящему случаю и что мера ареста рациональна, но незаконна, так как рабочие только угрожают уйти, но не ушли. Надо им дать уйти, потом вернуть на работу, и тогда судья вправе арестовать их до трех месяцев. Выпущенные из-под ареста рабочие уходят, увлекая за собой новые толпы. При уходе они пробуют сдавать инструмент артельщикам, — те не принимают. Инструмент бросается зря и, разумеется, часть его пропадает или закладывается дорогой по кабакам. Возникают уголовные иски о растрате вверенного имущества. Явно, что администрация, не удержавшая их на месте, тем более не вернет их с дороги. Рабочие расходятся по чужим губерниям, а рядчики являются со списками бежавших, прося о высылке их. Закон требует высылки рабочих *на место работы* и потом уже судебного разбирательства. В этом смысле должно быть составлено постановление, на основании которого полиция должна высылать рабочих. Но как узнает судья: высланы они к рядчику или нет? Кто выслан и кто не выслан и когда именно? Рабочие могут вернуться, когда им не приготовлено продовольствия, возникнут споры о времени прибытия, даже могут произойти и более значительные столкновения и беспорядки. Для избежания таких случайностей приходится требовать их не к рядчику, а прямо на суд. Правда, первое удобнее для судьи, но менее удобно для тяжущихся. Но через кого требовать их как гражданских ответчиков? Мировые участки, в которых они проживают, не известны судье. Мировые съезды указывают на законный путь требования чрез местную по-

лицию. Полицейские управления, вопреки выставленной в отношении статье о высылке, отвечают, что в гражданских делах высылки нет и, сверх того, требуют на каждого ответчика отдельной повестки в двух экземплярах. Между тем несколько рядчиков единовременно подают судье списки бежавших, так что последних оказывается до 1000 человек. Спрашивается, может ли судья, даже с двумя помощниками, скоро написать 3000 повесток, принимая в соображение *исходящий* журнал и соответственное число отношений в полицейские управления? — Отвечают: «Что ж делать? форма того требует». Не значат ли здесь слова: *что ж делать*, — *ничего не делать*? Между тем переписка возится взд и вперед по тележной почте, а в результате нуль, если ни во что считать чувство бессильной борьбы со старыми порядками. Вы можете жаловаться; но и тут участие или неучастие к жалобе зависит от старых порядков, тем более что буква закона против вас. Остается последнее средство — обратиться прямо к волостным правлениям. Оказывается, что последний путь самый верный. Почти нет примера, чтобы волость *немедля* не выслала требуемых рабочих. Нельзя не указать при этом на оригинальное явление. Тот же самый крестьянин, который два месяца тому назад, не внемля никаким доводам, бросил инструмент и уходил, является к судье. «Что вам надо?» — «Да вот высланы на суд». «Кто же вас привел?» — «Высланы от волости при этой бумаге». Зачастую таким образом препровождают себя *при бумаге* и уголовные арестанты, умеющие при случае ускользнуть от провожающего их из волости крестьянина.

Но вот кое-как рабочие собраны, последовали мировые сделки между тяжущимися и работы пошли своим чередом. Наступает вторая половина ноября, и новые толпы рабочих являются к судье. «Явите божескую милость, прикажите рядчику нас рассчитать. Пишут — последнюю скотинку продают за повинности, а он все нынче да завтра. Вот третий день харчей нет». — «Где же рядчик?» «Да его уже дня с четыре не видать. Сказывают, уехал в главную контору за деньгами, а кто говорит, совсем ко двору съехал». — «Есть у него какое имущество на чугунке?» «А кто его знает? Чему там быть? Струмент от нас к другому рядчику отобрали. Котлы есть». «А бараки, доски?» «Шалаши целы, а доски он еще давно, как кончили земляную работу, сдал другому, остались кое-какие затрепанные». Оказывается, что рядчик скрылся, имуществ<a> у него ни на месте постройки, ни на месте жительства нет, а контора, подряжавшая его по контракту издельно, не хочет вмешиваться в его расчеты с рабочими. Не забудем, что главная контора всегда обеспечивает исправность второстепенных съемщиков отдельных участков соответственными залогами, а рядчики, нанимающие рабочих, почти

исключительно те же крестьяне, ничем не обеспечивают ни контору, ни рабочих. При таком ходе вещей рядчики, не имеющие собственных денег на задатки, на передвижение и устройство артелей на местах работ, постоянно в переборе у контор. Только что рабочие усердно принялись за дело, контора уже не заинтересована, да и едва ли с точностью может знать употребление выдаваемых ею рядчику денег. Раздал ли он к Петрову или к Успенью деньги сполна по рукам, или отослал большую их часть домой на покупку земли или рекрутской квитанции, или просто прогулял и переплатил в виде штрафов за свои безобразия, этого контора не знает. Разумеется, и самовольный уход рабочих имеет прямым последствием совершенное расстройство расчетов крестьянина-рядчика, который из каких-нибудь заделных 1 р. 10 к. с кубика должен выкроить материал, инструмент, харчи и жалованье, так что остающиеся после катастрофы рабочие, сами того не зная, трудятся уже у банкрота. За все это в осеннюю непогоду расплатится голодный и холодный труженик.

Указав на такой, к сожалению, не редкий исход дела, не станем утомлять читателя соответственными примерами. Можно утешаться мыслию, что такой печальный исход возможен только в железнодорожном деле, так как ничего подобного случиться не может ни в земледельческой, ни в фабричной деятельности, где всегда найдется достаточное количество имущества, обеспечивающего заработка. Ужели нет законных средств обеспечить их в равной мере и в отрасли промышленности, принимающей у нас все более и более значительные размеры?

Что касается до *самосуда* рядчиков, действительно, первое время некоторые из них заявляли к тому поползновение, но подобные затеи, при мировых судах, остаются в области фантазии. Нам приходилось, например, слышать, что рядчик говорил рабочим: «Что мне судья! Я с вами не пойду к судье, а соберу волостных старшин и своим судом так вас отдеру!». Другой, купив настольную книгу Железникова, говорил: «Теперь у меня у самого закон под мышкой, и я сам буду судить вас». Но этим господам было объяснено, что при малейшем переходе от слова к делу, они за самоуправство могут неизбежно попасть под трехмесячный арест. Тем все и кончилось.

Равным образом можно быть уверены, что рабочие и рядчики, разбиравшиеся на суде, на будущее время не решатся на легкомысленное заключение словесных договоров. Нам не раз приходилось слышать: *Что ж делать, батюшко! Уж теперь не будем так-то делать. А уж надо по закону.*

А. ФЕТ.